

УДК 811.161.1:811.512.31

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ С ЯДЕРНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ**
(на материале русского и бурятского языков)

© Улазаева Галина Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: diskurs@mail.ru

В данной статье рассматриваются слова категории состояния с ядерным значением оценки в русском и бурятском языках. Межъязыковые параллели относительно традиционно выделяемых разрядов слов категории состояния проведены на основании общности интерпретационных значений частей речи в разноструктурных языках. В статье описывается специфика инфинитива в рассматриваемых языках, так как слова категории состояния с ядерным значением оценки могут образовать законченное предложение только с инфинитивом; указывается, что категория инфинитива характеризуется разнообразием синтаксических функций в речи. В русском и бурятском языках наблюдаются синтаксическое сходство и некоторые различия в употреблении инфинитива. В качестве иллюстрации функционирования указанной группы слов приводятся примеры из художественных произведений русских и бурятских писателей.

Ключевые слова: русский язык; бурятский язык; слова категории состояния со значением оценки; специфика инфинитива; позиция инфинитива в предложении.

Сторонниками слов категории состояния как самостоятельной части речи выделяются следующие лексико-грамматические классификационные признаки: семантическая общность в широком смысле этого слова (выражение состояния, его оценки, его модальной окрашенности), единственная синтаксическая позиция (функция составного именного сказуемого в безличном предложении, а также в инфинитивно-оценочном), морфологическая неизменяемость.

На основании общности интерпретационных значений частей речи в языках разного строя представляется возможным провести межъязыковые параллели относительно традиционно выделяемых разрядов слов категории состояния. Деление слов категории состояния на разряды обусловлено семантикой, грамматической формой и синтаксической сочетаемостью. Наблюдения показывают, что в бурятском языке, так же как и в русском, можно выделить следующие лексико-семантические разряды слов категории состояния:

1. Слова категории состояния, обозначающие психическое и физическое состояние лица, состояние природы, окружающей среды и обстановки: а) психическое состояние человека: *гомдолтой* (обидно), *уйдхартай* (грустно), *аймшагтай* (страшно), *аягуй* (совестно, неудобно), *зихэбтэр* (стыдно) и др. Приведем примеры: *Олонхи уран дархашуулыень мэдэхэгүй байшооб. Гомдолтой, зихэбтэр гээшэнь* (Осодоев. *hүүлшын уулзалга*) / *Оказалось, что многих мастеров я не знал, как же обидно и стыдно; Хэрбээ тиигэбэл ямар ахир шадалтай худатай гээшэбиш, гэжэ хундэ асуугдаа хаа минии нэрэ турэдэ айхабтар зихэбтэр бо-*

лохо байна...(Намсараев, үүрэй толон) / Если люди спросят, какой же у тебя беспомощный сват, то мне станет очень стыдно.

б) физическое состояние живых существ: *бүгшэм* (душно), *үбшэнтэй* (больно), *гэжэгэнээтэй* (щекотно), *дулаан* (тепло), *хүйтэн* (холодно), *хүндэ* (тяжело) и др. Например: *Гэшхүүр өөдэ гарахань тэрээндэ хүндэ / Ему тяжело подниматься по лестнице; Дугар басагыг хүсөөд, гархаань бариба. — Таби, үбшэнтэй байна, — гэбэ Дулма* (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Дугар, догнав девушку, взял ее за руку. — Отпусти, больно, — сказала Дулма.*

в) состояние природы, окружающей среды, обстановки: *харанхы* (темно), *хүйтэн* (холодно), *дулаан* (тепло), *халхитай* (ветрено), *бороотой* (дождливо), *уйтан* (тесно), *уужам* (просторно), *хоохон* (пусто) и др. Примеры: *Газаа шэб балай харанхы* (Намсараев, үүрэй толон) / *На улице уже темным-темно; Аймшагтай халуун байна хаям даа...* (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Очень жарко ведь...*

2. Слова категории состояния, обозначающие состояние с модальной окраской, т. е. заключающие в себе значение необходимости, возможности, долженствования: *хэрэгтэй* (надо, нужно, необходимо), *болоно*, *болохо* (можно), *болохогүй* (нельзя). Рассмотрим примеры: *Зүгөөр хаана, хэнэйнгээ гэртэхиндэ айлашлжа ошоход гэжэ хэлсэхэ хэрэгтэй байба* (Галанов. Түрүүшын сахан) / *Однако нужно было решить, куда поедem в гости; Яараһанай хэрэггүй* (Осодоев. Нүүлшын уулзалга) / *Не нужно спешить.*

3. Слова категории состояния, обозначающие оценку состояния или положения. Оценка может быть относительно протяженности во времени и пространстве. К данной группе слов относятся следующие: *орой* (поздно), *эртэ* (рано), *холо* (далеко), *ойро* (близко), *хүндэ*, *хүшэр* (тяжело), *хайн* (хорошо), *муу* (плохо), *нүгэл(тэй)* (грешно), *эишэбтэр* (стыдно) и др. Приведем примеры: *үшөөл эртэ, наран гараха үдэ* (Цыдендамбаев. Буряад басаган) / *Еще рано, до восхода солнца далеко; Эртэ сабишагада муу даа* (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Косить рано — плохо.*

Рассмотрим слова категории состояния с ядерным значением оценки. Если слова категории состояния с ядерным значением состояния лица, природы, среды, обстановки образуют законченное предложение с одной только формой дательного падежа, то слова категории состояния с ядерным значением оценки могут образовать законченное предложение только с инфинитивом. Необязательность сочетания с инфинитивом у слов категории состояния со значением собственно состояния и обязательность — у слов категории состояния оценки — их яркий различительный признак. Предложение со словами категории состояния с ядерным значением оценки дательный субъекта является чуждым, так как в них нет слова, которое обозначало бы собственно состояние, слово категории состояния со значением оценки связано с инфинитивом. Но следует указать, что в таких конструкциях датив иногда может встречаться, но он имеет совершенно другое значение, например, значение интереса, пользы, назначения и т. д.

Специфика инфинитива, известно, в том, что он сочетает свойства глагола и имени. «Сплав структурных и семантических свойств глагола и имени определяет специфику современного инфинитива, его синтаксических функций и валентных свойств» [2, с. 257]. Среди различных синтаксических моделей, в которых может принимать участие инфинитив, рассмотрим те, в которых инфинитив за-

нимает позицию подлежащего, а позицию предиката занимает слово категории состояния. При этом существенным является то, что инфинитив в препозиции «не означает предмета — носителя признака, он выступает как компонент со значением потенциального действия, предикативно оцениваемого с модальной, этической или прагматической точек зрения (*Молчать — некрасиво...*)» [6, с. 144].

В русском и бурятском языках наблюдаются синтаксическое сходство и некоторые различия в употреблении инфинитива.

На тот факт, что независимый инфинитив может выступать в функции подлежащего в двусоставном предложении или являться сказуемым в безличном инфинитивном предложении, в котором субъект выражен дательным падежом, указывал Ж. С. Сажин [7, с. 47].

В бурятском языке русскому инфинитиву соответствует форма причастия будущего времени. «Инфинитиву в роли подлежащего соответствует в бурятском языке причастие будущего времени в форме именительного (или дательного) падежа, сопровождаемое обычно каким-нибудь показателем подлежащего — *болбол, хадаа, гээшэ*. Небезынтересно заметить, что, как и русский инфинитив-подлежащее, его бурятский эквивалент обычно стоит перед сказуемым и отделяется паузой» [7, с. 48]. О том, что причастие будущего времени достаточно часто занимает позицию подлежащего, указывается в Грамматике бурятского языка [1962, 28]. Часто причастие будущего времени функционирует в форме датива, а также принимает аффиксы личного притяжания. Рассмотрим следующие примеры: *Энеэхэшни эртэхэн* (Шадаев. Эдир ангуушад) / *Смяться тебе рано*; *Шуухирха, тэршэлхэ, түүбээхэ, зобохонь — тоншье хайратай* (Ябжанов. Хээрын ушаралнууд) / *Действительно, очень жалко, когда он громко вздыхает, ерзает, мучается*; *Энэ хүбүүнэйш аашалха гээшэнь аймшагтай юм лэ, — гэжэ буланда һуһан Гэлэг үбгэжөөл яр-яр дуугараадхиба...* (Ябжанов. Хара сагаан хоерой дүлэн) / *То, что этот парень ведет себя нетактично, — это ужасно, — неприятным голосом сказал сидящий в углу дед Гэлэг*; *Тээд эндэ уйлахань эихэбтэр* (Цыдендамбаев. Буряад басаган) / *Однако плакать здесь стыдно*; *Абьягуйшье ябахадамни аягүй шэнги байгаа...* (Дон. Брынзын санха) / *Но и молчать было тоже вроде неудобно* (пер. С. Чагдунова).

В рассмотренных конструкциях причастие будущего времени, занимая препозитивное положение, играет роль подлежащего при сказуемом, выраженном именем состояния. Важно подчеркнуть, что: 1) причастие будущего времени в дательном-местном падеже указывает на конкретную речевую обстановку (когда обращаются к конкретному лицу); 2) причастие будущего времени, употребленное в именительном падеже, отражает объективную оценку (т. е. не указывает на конкретное лицо), причем часто сопровождается показателем *гээшэ*. Отметим, что в бурятском языке причастие будущего времени, изменяясь по падежам, «принимает предикативные единицы первого и второго лица, отрицательные и притяжательные частицы» [1, с. 210]. В роли подлежащего выступает причастие с частицей личного притяжания, например: *Тээд эндэ уйлахань эихэбтэр* (Цыдендамбаев. Буряад басаган).

Г. А. Золотова отмечает, что «адекватное представление о сущности инфинитивных конструкций можно получить, лишь, наблюдая их в живой речи, в текстах, и именно в этих условиях выделять релевантные признаки для различения

ния разновидностей и для выявления их места в грамматической системе... Наблюдения показывают, что морфологическая невыраженность предикативных категорий лица, времени, модальности в инфинитиве преодолевается языком синтаксически» [5, с. 138].

Инфинитивно-оценочные предложения являются одним из синтаксических средств выражения модальных значений. В подобных предложениях проявляется объективная модальность реальности/ирреальности в зависимости от предиката с частицей *бы* или без нее, от интонации и вопросительных частиц *разве*, *ли*, *неужели* и др. (в русском языке), например: *Разве ссориться — не глупо?* (объективная модальность ирреальности); *Участновать в конференции всегда интересно* (объективная модальность реальности). В рассматриваемых предложениях на фоне объективной модальности реальности /ирреальности с помощью вводно-модальных слов и модальных частиц легко проявляется субъективная модальность. По признаку наличия субъективно-модальных значений в данных предложениях можно выделить группы со значениями уверенности/неуверенности, возможности/невозможности, предположительности: *Курить, конечно, вредно; Сплетничать, безусловно, некрасиво; Смеяться над другими, наверное, глупо.*

В бурятском языке в рассматриваемых конструкциях модальность может выражаться при помощи частиц *гээшэ*, *аал*, *бэээ*, *хаяа*: *Тамхи татаха(да) муу гээшэ* (значение уверенности); *Тамхи татахада (татаха гээшэ) муу бээшэ аал?* (значение сомнения); *Мэхэлхэдэ (мэхэлхэ гээшэ) муухай хаяа* (значение вероятности); при помощи комбинированных средств (например, лексическое значение слова *гайхалтай* + частица *гээшэ* + — л + логическое ударение): *Ганса хүнийн зэргэдэ үтэлхэ гээшэ гайхалтайл байна* (Раднаева. Хэтэ сахюур) [4, с. 37].

Предложения с инфинитивом в роли подлежащего и в русском, и в бурятском языках не обладают парадигмой временных форм: *Гулять на свежем воздухе — полезно / Сэбэр агаарта сэнгэхэ гээшэ ашагтай*. Специфика таких предложений в выражении значений синтаксического времени состоит в том, что основным способом выражения временных значений в них является конструктивно-синтаксический. Определенная часть рассматриваемых предложений безотносительна к моменту речи, имеет значение вневременности: *Не звать историю своей страны — стыдно/Гүрэн түрүнгөө түүхэ мэдэхэгүй гээшэ эшхэбтэр; Слушать комплименты — приятно/Аятай үгэнүүдые шагнаха гээшэ гое юм*. Значение вневременности несовместимо с употреблением в них распространителей конкретизирующего плана. В рассматриваемых предложениях нередко проявляется расширенное настоящее время. Это время по своему реальному значению выходит за пределы осуществления речевого акта, но не имеет таких широких границ, которыми обладает значение вневременности. Реальное значение расширенного настоящего у'же значения вневременности. Расширенное настоящее время характеризуется не только совпадением действия с осуществлением речевого акта, но и распространением его на предшествующие или последующие моменты, оно свойственно предложениям, в которых субъект оценивается: *Смеяться над чужими слабостями — непорядочно / Хүнэй дутагдалнуудые наадалха гээшэ муу ха юм*.

Обычно предложения, в которых содержится семантика оценки, не актуализированы во времени, а значения, передаваемые этими предложениями, связаны с «положением дел» во внеязыковой действительности, которые вос-

принимаются как необычные, иногда связанные с нарушением норм поведения человека или аномалиями в природе и обществе.

Для характеристики рассматриваемых предложений существенной является синтаксическая категория лица, которая выражает отношение высказывания к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу. В указанных предложениях форма инфинитива не содержит указаний на лицо. Но в структуре данных предложений может быть «объектный» член в форме дательного падежа, который выражает отношение к первому, второму или третьему лицу: *Говорить тебе (мне, ему) с ним — опасно* — в конструкции при помощи дополнения, выраженного в форме датива, указывается отнесенность высказывания к определенному лицу. Ср., в бурятском языке: *Шамда тэрээнтэй хөөрэлдэхэ(дэ) аймшагтай* (*Тэрээнтэй хөөрэлдэхэшни аймшагтай*).

Итак, «морфологически не выраженное, но обнаруживающееся в синтаксических связях потенциальное значение лица и модальности, а также специфика временного значения делают инфинитив более емким, более концентрированным обозначением ситуации» [6, с. 273].

Среди синтаксических конструкций с участием инфинитива Г. А. Золотова выделяет модель — инфинитив как пропозициональное подлежащее в полипредикативном предложении, содержащем оценку названного инфинитивом действия, например: *Смеяться не грешно* [5, с. 139]. Основываясь на наблюдениях Г. А. Золотовой, приходим к выводу, что оценка всегда связана с полисубъектностью: один субъект действует, другой оценивает или субъект оценивает свое возможное действие, «но самооценка — это все равно сопоставление с каким-то общественным критерием, оценивающий выступает как часть какого-то коллектива, среды... субъект оценки может включать субъект действия или противостоять ему» [6, с. 264–265]: *И оскорбляться вам смешно бы, кроме честности есть множество отрад* (Грибоедов. Горе от ума); *Сердиться глупо и грешно* (Пушкин. Руслан и Людмила); *Сидеть здесь глупо* (Паустовский. Романтики); *Над старостью смеяться грех* (Грибоедов. Горе от ума).

Итак, отметим, что инфинитив относится к вторичным (неизосемическим) способам обозначения действия. Будучи лишенным морфологических показателей лица (субъекта действия), данная форма, тем не менее, может указывать на агента. Еще Шахматов отмечал тот факт, что инфинитив «способен вызывать представление» [8, с. 41] о субъекте действия. В специальных синтаксических конструкциях, а именно инфинитивно-подлежащих, инфинитив называет действие, имеющее субъект. Им является не конкретное лицо (лица), а любое, принадлежащее к данному социуму: *Заниматься спортом полезно, Курить вредно*. «Всеобщность» действия выявляется особенно отчетливо при введении в предложение лексико-грамматического маркера со значением конкретного лица: *Тебе полезно гулять на свежем воздухе*.

Необходимо различать конструкции со словами категории состояния со значением собственно состояния и со словами категории состояния с ядерным значением оценки, компонентом которых является инфинитив. Рассмотрим следующие примеры из русского языка: 1) *Ему весело*; 2) *Ему было весело кататься на лыжах*; 3) *Кататься на лыжах весело*. В первом предложении состояние экспериментера констатируется независимо от обстоятельств. В последнем предложении выражается оценочное отношение к действию, описанному инфинитивом,

причем все предложение имеет значение общего суждения: оно не указывает на состояние того или иного конкретного лица. По поводу данного предложения можно сказать, что оно имеет два коммуникативных центра, благодаря которым предложение имеет два фразовых ударения. Второе предложение, хотя и содержит инфинитив, выражает значение состояния, причем представляет собой один коммуникативный центр и произносится с одним фразовым ударением, совпадающим с предикатом состояния. Если предложение актуализируется, например, при глаголе в прошедшем времени, можно утверждать, что оно приближается к выражению состояния.

Основное функциональное различие у собственно слов категории состояния и слов категории состояния со значением оценки наблюдается внутри синтаксической позиции предикатива. Инфинитив, включаемый в состав предложения, при тех и других словах имеет разное синтаксическое значение. Объяснение и идентификация позиции одного члена через грамматические и семантические свойства другого универсальны, так как вне зависимости от местоположения инфинитива способны дать ответ на вопрос о его синтаксической функции и синтаксических отношениях с другими компонентами предложения. В конструкциях — *Хорошо лежать в траве зеленой...* (Есенин. Каждый труд благослови, удача...); *Мне очень приятно видеть любимую подругу моей жены*, — сказал Чив по-английски (Арбатова. Последнее письмо к А.); *Мне жутко вспомнить все до конца* (Паустовский. Романтики) инфинитив относится к слову категории состояния как второстепенный член к сказуемому. В подобной конструкции инфинитив не может занимать позицию подлежащего, так как сказуемым является слово категории состояния, предикатирующее относительно датива косвенного субъекта. Слово категории состояния при дативе является полноценным сказуемым, что доказывается посредством элиминации конструкций: *Мне хорошо; Мне грустно; Мне очень приятно; Александре было очень комфортно; Мне жутко*. Таким образом, инфинитив может и не входить в состав сказуемого. Отнесенность инфинитива к второстепенным членам доказывается тем, что конструкция без него может свободно функционировать без всякого ущерба для смысла, инфинитив может быть заменен отдельным словом или даже целым предложением единого языкового содержания, подтверждающим подчинительный характер такой связи: *Когда я лежу в зеленой траве, мне хорошо; Когда я смотрю на тебя, мне грустно; Мне очень приятно, так как я познакомился с любимой подругой моей жены; Александре было очень комфортно, потому что она сидела рядом с ним; Мне жутко, когда я вспоминаю все до конца*. Отметим, что слова категории состояния с ядерным значением состояния лица, природы, среды, обстановки чаще всего употребляются без инфинитива. Другую позицию занимает инфинитив при словах категории состояния со значением оценки. Прием элиминации, действенный в ситуации со словами категории собственно состояния, оказывается совершенно невозможным. При устранении инфинитива из конструкции разрушается сама конструкция, ср. **Мне подло, порядочно/непорядочно* и т. д., значением подобных слов является оценка (моральная, этическая, нравственная, экспрессивная и т. д.). Укажем, что и замена семантически тождественным словом не изменяет его синтаксической функции: он всегда является подлежащим (*Гадать бесполезно — Гадание бесполезно*).

Таким образом, в русском языке в конструкциях со словами категории состояния со значением собственно состояния господствующим членом является слово категории состояния, ему подчиняются все компоненты предложения, инфинитив является примыкающим. При словах категории состояния со значением оценки инфинитив представляет собой подлежащее. Отметим, что при препозитивном положении инфинитива в нем усиливаются номинативные свойства, в связи с этим в словах категории состояния усиливается оценочное значение, ослабляется значение состояния, при постпозитивном инфинитиве в нем усиливаются глагольные свойства и ослабляются номинативные, а в словах категории состояния превалирующим становится значение состояния, что обуславливает более свободную сочетаемость с дативом субъекта [2]. Укажем, что категория инфинитива характеризуется разнообразием синтаксических функций в речи.

В бурятском языке причастие будущего времени, соответствующее русскому инфинитиву, не способно занимать постпозитивное положение по отношению к слову категории состояния. Ср., *Ему было весело кататься на лыжах/ Тэрээндэ санаар ябахадань хүхюутэй байгаа* (**Тэрээндэ хүхюутэй байгаа санаар ябахадань* — в данном случае наблюдается нарушение коммуникативного узуса); *Кататься на лыжах весело / Санаар ябаха гээшэ хүхюутэй*. Таким образом, в бурятском языке причастие будущего времени употребляется в позиции подлежащего в предложениях со словами категории состояния с ядерным значением оценки, но не со словами категории состояния с ядерным значением собственно состояния.

Следует отметить, что адекватное словесное оформление заложенного в позиции смысла требует правильного выбора программы речевого поведения, исходя из конкретной речевой ситуации, при котором выбранная синтаксическая структура с соответствующим лексическим наполнением позволяет передать речевое намерение говорящего (например, выразить душевное состояние или дать оценку). Итак, те или иные синтаксические модели выбираются согласно конкретной интенции говорящего.

Литература

1. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 340 с.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Грамматика бурятского языка: Фонетика и Морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Наука, 1962. 702 с.
4. Дамбуева П. П. Комбинированные средства выражения модальности в бурятском и русском языках // Материалы Всерос. науч. конф. «Санжеевские чтения — 4». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 36–38.
5. Золотова Г. А., О니пенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998. 528 с.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтеза. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.
7. Сажинов Ж. С. Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков. Морфология. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 144 с.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

ABOUT CATEGORY OF STATE WORDS WITH NUCLEAR
ESTIMATE MEANING FUNCTIONING PECULARITIES
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND BURYAT LANGUAGES)

Galina V. Ulazaeva

candidate of Philological sciences, senior lecturer of Russian as a foreign language chair
of Institute of philology and mass communication of Buryat State University
6 Ranzhurova St, Ulan-Ude, Russia, 670000
E-mail: diskurs@mail.ru

The article considers the words of category of state with nuclear estimate meaning in Russian and Buryat languages. Interlingual parallels relating to outlined words of category state are drawn on the basis of community of interpretative meaning of parts of speech in multi-structural languages. The specificity of infinitive in the languages is described in the article because the words of category of state with nuclear estimate meaning can form a complete sentence. It is pointed that infinitive category is characterized by a variety of syntactic functions. Using infinitive in Russian and Buryat languages have syntactic similarities and some differences. To illustrate the function of this group of words of Buryat and Russian writers' works of fiction were used.

Keywords: Russian language; the words of category of state with nuclear estimate meaning; the specificity of infinitive; infinitive position in a sentence.